

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА В МАРИЙСКОМ РОМАНЕ*

Э. В. ГУСЕВА,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии
Института национальной культуры и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ)*

Использование портрета в словесном искусстве проходит под сильным влиянием живописи, но мастера художественного слова прибегают к этому средству для передачи самого важного и значимого в описываемой личности.

Известно, что личность – это субъект общественного развития и коммуникации. Психологи разделяют свойства личности в наиболее общем плане на свойства темперамента, характера и мотивации. Очень часто описание человека как субъекта труда осуществляется с помощью представления его через определенную профессию, совокупность профессиональных качеств и навыков.

Понятие «индивид», которое также используется при характеристике личности, обобщает свойства человека как биологического существа. Оно включает в себя его телосложение, силу, ловкость, выносливость, координацию движений. Именно в уникальном сочетании индивидуальных, профессиональных, личностных и нравственных качеств человека проявляется его индивидуальность, которую описывают марийские писатели в своих произведениях.

В живописи портретом считается вполне самостоятельная и законченная художественная форма. Художник ста-

рается передать выражение лица человека и сохранить сходство с прототипом. В художественном произведении портрет героя составляет лишь часть целого, один из моментов создания образа. Другими словами, литературный портрет выводится за пределы изображения внешности человека. Хотя детализация важна, эффект целостного зрительского восприятия часто возникает независимо от того, насколько велико количество перечисляемых внешних признаков. Даже несколько ярких отмеченных черт внешнего облика персонажа или одна характерная деталь могут создать в сознании читателя вполне законченное представление [13, 24], как, например, в романе А. Асаева:

А вара, смола гай йылгыжше шем ўпан вуйжым (райкомол секретарь) Маруся велке лап ыштен, секретарь йодо [2, 240].

«А потом, наклонив черноволосую, блестящую, словно смола, голову к Марусе (секретарь райкомла), секретарь спросил».

В романе нет детального описания внешности секретаря, но на протяжении всего произведения писатель, рассказывая о нем, акцентирует внимание на такой черте, как цвет и блеск волос.

В предлагаемых ниже отрывках портретов писатели также прибегают к упоминанию какой-то одной яркой детали для фотографического компактного описания персонажей.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Шонго кутыра, шкеже Япык деке лишемеш. Вуржла шүтен ончышо шинчажлан шонго ен онарла коеш [14, 34].

«Дед говорит, а сам приближается к Япыку. Глаза, сверлящие, словно шило, делают его похожим на богатыря».

Целостный образ возникает в пределах сверхфразовых единств, которые представлены на письме одним или несколькими абзацами. Образ может формироваться на протяжении всего художественного произведения, а иногда создается одним простым предложением:

Ўнда йып-йып шеме [12, 25].

«Волосы у вас черные-черные».

Следующей важной характеристикой портретного описания как средства формирования зрительного образа является его эмотивность, так как любой образ воздействует на эмоциональную сферу человека. Понятие эмотивности часто связывается с понятиями оценочности [5] и экспрессивности.

В лингвостилистике оценочностью считается суждение говорящего, содержащее оценку, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение [3, 305]. В основе всякой оценки лежит сравнение одного явления, объекта, состояния с другим или с общепринятой нормой, а также суждение об уровне или значении чего-либо, установление степени чего-нибудь [7, 426], поэтому оценка может быть положительной, отрицательной или соответствующей определенной норме.

Под оценочностью понимается отношение автора произведения к описываемому персонажу, в котором содержится этическая, эстетическая оценка писателя, связанная с определенными идеологическими установками конкретного периода, собственными вкусами и пристрастиями писателя, например:

Чолпан куана: тужвал тужшо дене Алексей мотор рвезе. Спай кап-кылже, яндар чурыйже, вуд онла койын оваргыше нугыдо шем ұпшо – шинчалан мундырчынак палдырнат, чылажат Чолпанышкежынгаяк [2, 389].

«Чолпан радуется: внешне Алексей красивый парень. Стройная фигура, опрятное

лицо, густые волнистые черные волосы – привлекают внимание издали, все, как у самого Чолпана».

В приведенном отрывке отец любит своего сына, выросшим с отчимом. В портрете присутствует положительная эстетическая оценка писателем персонажа, переданная через размышления другого персонажа романа.

Затем Чолпан, расстроенный ссорой сына с любимой девушкой, идет по полю в глубоких раздумьях и видит ромашки, которые напоминают ему Лизу:

Пеледыш Лизан шинчажым, а вара чумыр тужшыым ушеитарыш (Чолпанлан) [2, 389].

«Цветок напомнил (Чолпану) глаза, а потом полностью облик Лизы».

Кроме положительной оценки персонажей в романах марийских писателей встречаются словесные портреты, в которых содержится негативное отношение. В романе А. Тимофеева разведчик выходит на фашистские ряды и встречается с немецким офицером. В отрывке показано отрицательное отношение автора к немецким оккупантам: в компактном, статическом фотографическом портрете фашиста его усы сравниваются с усом крысы, вызывая у читателей чувство брезгливости.

Миткельын ончыко иуйналтше онгылашыже, кужу нер йымалсе олым тусан брышыжшо лачак кугоянла койын колтыш [12, 17].

«Выступающий вперед подбородок Миткеля, усы цвета соломы под большим носом напоминают крысиные».

Ряд ученых определяют экспрессивность как семантическую категорию, выражающую положительное или отрицательное отношение говорящего к обозначаемому [4; 11], тем самым сочетая образную экспрессивность с оценочностью.

В предложенных ниже отрывках из романа Н. Лекайна выразительные описания персонажей сочетаются с оценкой их внешности и морально-нравственных качеств, при этом ненавязчиво проводит-

ся параллель между красотой и чистотой тела и души:

Кашие тудын (Каштанцевын) кўкиш, вичкыж. Лагереш ярнымыж дене нымыште вара гай кошкен. Кужака шўргывылышан, шўргыжō лакын волен шога, пуйто тудым кок мозыржо гычат локшич налме. Шинчажат лакыш волен, йырже какарген. Ончымаште тудлан витле ийым пышташ лиеш, а чынжым тудо кумло вич ийым гына темен [9, 153].

«Он высокого роста (Каштанцев), худощавый. В лагере сильно похудел, словно шест из молодой липы. С продолговатым лицом, на лице есть впадины, словно вытесали с двух сторон. Глаза тоже ввалились, вокруг глаз посинело. По его внешнему виду можно дать пятьдесят лет, а ведь на самом деле ему исполнилось только тридцать пять лет».

Военнопленный Каштанцев не сломлен духом, и автор показывает это через описание его внешности: персонаж романа сильно похудел (сравнение тела с молодой липой не имеет отрицательной коннотации), осунулся, резко постарел. В описании другого персонажа Н. Лекайн акцентирует внимание на ужасающе жестоких последствиях фашистского плена:

Тўсишō шеме, шучко, шинчаже тулла йўла, ўпшō шотдымо, кужу, курныж туп гай вильгыжеш... Кидше кынервуй деке шумеш тегыт гай шеме, кўчишō кужу [9, 249].

«Лицо смуглое, страшное, глаза горят, словно огонь, длинные спутанные волосы блестят... словно спина коршуна. Руки до локтя черные, словно деготь, ногти длинные».

Этот персонаж явно сломлен происшедшим. Используя образные сравнения, прилагательные, обозначающие темный, черный цвет (*тўсишōшеме, шучко*), автор передает свою негативную оценку опустившегося солдата.

Следующий словесный портрет содержит описание героини, к которой автор относится с явной симпатией:

Теве Алвикат латшыым ияш годым эр ўжарала койын пеледын гын... кызыт улыжат кечывал волгыдо гай: ег шинчаш маторлыкшо дене кугун ок солно, но вийже,

чон арулыкшо – кеч вес еглан пайлен пу – сита [2, 410].

«Алвика в семнадцать лет сияла (букв.: цвела), словно заря... а сейчас она словно лишь дневной свет: своей красотой она не выделяется среди других, но ее сила, внутренняя чистота – хоть с другими людьми поделись – хватит!»

Былая физическая красота героини померкла, но героиня сумела сохранить нравственную гармонию и чистоту помыслов, несмотря на житейские невзгоды. А. Асаев, оценивая Алвику глазами персонажа, выразительно подчеркивает силу ее моральных устоев, показывая, как внешняя привлекательность лица и тела преобразилась в красоту души.

В научной литературе существует и другое понимание экспрессивности, глубокий анализ которого, а также соотношение экспрессивности и эмоциональности в языке и речи представлены в работе Л. А. Абукаевой «Синтаксические фразеологизмы в марийском языке» [1]. Л. А. Абукаева относит к обязательным составляющим категории экспрессивности эмотивность, оценочность и интенсивность.

Некоторые лингвисты указывают, что интенсивность заложена в природе художественного творчества и потенциально содержится в образной лексике в одной из шести степеней. При этом нулевая степень интенсивности характеризует отвлеченную, абстрактную лексику, а шестая, последняя, – присуща художественной метафоре [8, 16]. Таким образом, автор может регулировать интенсивность экспрессивного эффекта при восприятии информации читателем путем увеличения количества экспрессивных единиц в тексте.

Образность текста художественного произведения складывается из сочетания ряда факторов, ведущими из которых являются образные приемы: метафора, метонимия, эпитет, сравнение, гипербола, литота и др.

Приемы изобразительности придают словесному портрету эмоционально-экспрессивное качество. Следовательно

но, для формирования яркого зрительного образа портретное описание должно содержать в себе элементы новизны и оригинальности, информативности и экспрессивности, которые автор произведе-

ния организует, исходя из необходимости усиления определенных черт портретируемого персонажа или, наоборот, смягчения негативного впечатления от описания.

Поступила 05.06.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Абукаева, Л. А.* Синтаксические фразеологизмы в марийском языке. – Йошкар-Ола, 2005. – 192 с.
2. *Асаев, А. А.* Ошвичыжат-йўксыжат : роман / А. А. Асаев. – Йошкар-Ола, 1990. – 415 с.
3. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. *Башкеева, В. В.* Русский словесный портрет. Лирика и проза конца XVIII – первой трети XIX века : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Башкеева. – Москва, 2000. – 351 с.
5. *Вольф, Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного : на материале иберогерманского языка / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1980. – 237 с.
6. *Гришина, О. Н.* О качественной оценке информации речевого сообщения // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – 1987. – Вып. 286. – С. 102–108.
7. *Кондаков, Н. И.* Логика / И. Н. Кондаков. – Москва : Издательство АН ССР, 1975. – 717 с.
8. *Кутейш, Е. Н.* Категория интенсивности в современном английском языке : (на материале литературы Великобритании и США XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Кутейш. – Москва, 1999. – 19 с.
9. *Лекайн, Н.* Кугу сарынтулъштыжо : роман / Н. Лекайн. – Йошкар-Ола, 1988. – 249 с.
10. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. *Телия, В. Н.* Типы языковых значений : связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1981. – 269 с.
12. *Тимофеев, А.* Шемкурныж : роман / А. Тимофеев. – Йошкар-Ола, 1973. – 287 с.
13. *Титова, С. В.* Особенности функционирования словосочетаний в контексте словесно-художественных описаний внешности персонажей (на материале романа Эл. Гаскелл «Мэри Бартон») // Актуальные проблемы английской филологии. – Москва, 1988. – С. 161–174.
14. *Юзыкайн, А.* Тулото : роман / А. Юзыкайн. – Йошкар-Ола, 1978. – 397 с.
1. *Abukaeva, L.* (2005) Syntax idioms in the Mari language, Yoshkar-Ola.
2. *Asaev, A.* (1990) Oshvichyzzhat-yŷksyzhat, Novel, Yoshkar-Ola.
3. *Akhmanova, O.* (1969) Dictionary of linguistic terms, Moscow.
4. *Bashkeeva, V.* (2000) Russian verbal portrait. Lyrics and prose of the end of XVIII – the first third of the XIX century, Moscow.
5. *Wolf, E.* (1980) Grammar and semantics of the adjective: on the Ibero-Germanic language, Moscow.
6. *Grishina, O.* (1987) Qualitative assessment of information oral message, Collection of research works, MGPIIYa, Issue 286, p. 102–108.
7. *Kondakov, N.* (1975) Logic, Moscow : AN SSR.
8. *Kuteysh, E.* (1999) Category of intensity in modern English language: On a material of XX century literature of Great Britain and the United States, Abstract of the Thesis of Candidate Sc. {Philology}, Moscow.
9. *Lekain, N.* (1988) Kugu saryntulyshtyzo, Novel, Yoshkar-Ola.
10. *Yartsev, V.* ed. (1990) Linguistic encyclopedic dictionary, Moscow: Great Russian Encyclopedia.
11. *Telia, V.* (1981) Types of linguistic meanings of the word in the language, Moscow.
12. *Timofeev, A.* (1973) Shemkurnyzzh, Novel, Yoshkar-Ola.
13. *Titova, S.* (1988) Features of functioning of phrases in the context of verbal descriptions and artistic appearance of characters (Based on novel El. Gaskell “Mary Barton”), Actual problems of English Philology, Moscow, p. 161–174.
14. *Yuzykain, A.* (1978) Tuloto, Novel, Yoshkar-Ola.